

были арестованы и, по окончательномъ разборѣ дѣла, наказаны розгами, согласно приказанію губернатора“. Во всемъ этомъ представляетъ особый интересъ, прежде всего, юридическая сторона дѣла. Мы перечитали по этому поводу еще разъ, съ величайшимъ вниманіемъ, все „положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, утвержденное 14-го августа 1881 г. и вошедшее, съ дополненіями, въ составъ продолженія къ своду законовъ (т. XIV, уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій), изданнаго въ 1886 г.; мы познакомились и съ положеніемъ комитета министровъ 11-го іюля нынѣшняго года, которымъ продолжено, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, дѣйствіе правилъ объ охранѣ и кое въ чемъ измѣнена ихъ редакція—и не нашли ни одной статьи, которая, прямо или косвенно, могла бы опровергать наше вышеизложенное предположеніе. Изданіе обязательныхъ постановленій, назначеніе, за ихъ неисполненіе, ареста до трехъ мѣсяцевъ или штрафа до пятисотъ рублей, воспрещеніе общественныхъ собраній, закрытіе торговыхъ и промышленныхъ заведеній, передача извѣстныхъ дѣлъ въ вѣденіе военнаго суда, ограниченіе судебной гласности, распространеніе сферы административнаго контроля надъ должностными лицами, производство полицейскихъ обысковъ, предварительный арестъ подозрительныхъ людей и высылка ихъ изъ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны — вотъ единственныя права, вытекающія изъ правилъ 14-го августа 1881 г.; и ни одно изъ нихъ не уполномочиваетъ администрацію на примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. Даже при существованіи *чрезвычайной* охраны карательная власть администраціи измѣняется только количественно, но не качественно; увеличивается продолжительность личнаго задержанія, повышается максимальная цифра денежнаго штрафа, но къ этимъ двумъ видамъ наказанія не присоединяется никакихъ другихъ. Административнымъ карамъ подлежатъ, притомъ, не всѣ проступки, а только тѣ, которые имѣютъ характеръ нарушенія обязательныхъ постановленій или (при чрезвычайной охранѣ) изъяты, особымъ, заранѣе объявленнымъ распоряженіемъ, изъ вѣденія суда. Проступокъ Скуднева и Масленникова не подходилъ ни подъ одну изъ этихъ категорій и вовсе не подлежалъ разбору губернатора; онъ былъ подсуденъ судебной власти. Если одному изъ потерпѣвшихъ евреевъ дѣйствительно нанесено было *увѣче*, въ техническомъ смыслѣ этого слова, Скуднень могъ быть присужденъ къ весьма тяжкому наказанію — болѣе, можетъ быть, тяжкому, чѣмъ то, которому онъ подвергся по распоряженію губернатора; но степень ответственности обоихъ виновниковъ безпорядка и самый размѣръ взысканія